

История ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Г. Б. Корнетов

К публикации статьи А. Тойнби
«ОБРАЗОВАНИЕ
В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ»

УДК 37.01

ББК 74.03(3)

В статье излагаются идеи английского историка и социолога Арнольда Тойнби, который переосмыслил все общественно-историческое развитие человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций, предложив собственную версию культурно-исторической монадологии.

Вниманию читателей предлагается перевод текста А. Тойнби, выполненный с английского языка кандидатом философских наук О.В. Батлуком. Название «Образование в зеркале истории» дано тексту О.В. Батлуком.

Ключевые слова: Арнольд Тойнби; истории цивилизаций; историко-педагогический процесс.

G.B. Kornetov

To publication of the article by A. TOYNBEE “EDUCATION IN THE MIRROR OF HISTORY”

The article discovers ideas of the English historian and sociologist A. Toynbee who reinterpreted all the socio-historical development of humanity in the spirit of the cycle of local civilizations and suggested his own version of the historical and cultural monadology.

The issue draws the readers' attention to the translation of the Toynbee's article made by the Candidate of Philosophy O.V. Batluk. O.V. Batluk called the text “Education in the Mirror of History”.

Key words: A. Toynbee, history of civilizations, historical and pedagogical process.

На рубеже 80–90-х гг. XX столетия в условиях резкой критики формационной схемы развития всемирного

историко-педагогического процесса, разрабатывавшейся на протяжении многих десятилетия в рамках офици-

альной советской науки, в отечественной истории педагогики начался интенсивный поиск концептуальных подходов к целостной интерпретации этого процесса. В первой половине 90-х гг. был разработан оригинальный вариант цивилизационного подхода [См.: 3; 4; 5; 6]. Однако в западной историко-педагогической науке собственный вариант цивилизационного подхода был разработан в 50-е гг. XX века американским исследователем Эдвардом Майерсом [См.: 1]. В своей трактовке развития всемирного историко-педагогического процесса он последовательно опирался на идеи английского историка и социолога Арнольда Тойнби (1889–1975).

А. Тойнби в фундаментальном двенадцатитомном труде «Исследование истории» («Постижение истории») [См.: 7] переосмыслил все общественно-историческое развитие человечество в духе теории круговорота локальных цивилизаций, предложив собственную версию культурно-исторической монадологии. По его мнению, усвоенному и примененному к анализу историко-педагогическому материалу Э. Майерсом, за последние пять тысяч лет на Земле возникла 21 цивилизация. Динамика этих самоуп-

мкнутых дискретных единиц (их возникновение, рост, «надлом», упадок и разложение) определялись законом «вызова и ответа», в соответствии с которым движение цивилизаций было обусловлено адекватным «ответом» на «вызов» исторической ситуации.

Воспроизводя схему А. Тойнби при анализе всемирного историко-педагогического процесса, Э. Майерс рассмотрел образование как одну из сторон развития и функционирования автономных социокультурных организмов (цивилизаций) и дал его сравнительно-исторический анализ.

А. Тойнби в специально написанном заключении ко второму изданию книги Э. Майерса исключительно высоко оценил его работу [2]. Он обратил внимание на то обстоятельство, что образование играет выдающуюся по своему значению роль в истории цивилизаций, обеспечивая культурную преемственность и передачу от поколения к поколению накопленного опыта.

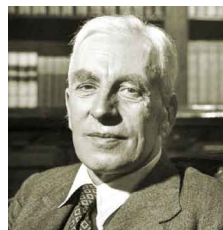
Вниманию читателей предлагается перевод текста А. Тойнби, выполненный с английского языка кандидатом философских наук О. В. Батлуком. Название «Образование в зеркале истории» дано тексту О. В. Батлуком.

Список литературы

1. Myers E. D. Education in the perspective of history. — New York, 1956. — 80 s.
2. Toynbee A. Conclussions // Education in perspective of history. — New York, 1960.
3. Корнетов Г. Б. Всемирная история педагогики : учеб. пособие — М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1994. — 138 с.
4. Корнетов Г. Б. Историко-педагогический процесс в зеркале цивилизационного подхода // Вестник УРАО. — 2002. — № 4.
5. Корнетов Г. Б. Педагогика: теория и история. — М. : Изд-во УРАО, 2003. — 183 с.
6. Корнетов Г. Б. Цивилизационный подход к изучению всемирного историко-педагогического процесса. — М. : ИТПи-МИО, 1994. — 265 с.
7. Toynbee A. A study of history. V. 1–12. London, 1934–1961. Сокращенный русский перевод: Тойнби А. Постижение истории. — М., 1995. — 183 с.

Арнольд Тойнби

ОБРАЗОВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

Образование есть исключительно человеческая деятельность. В отличие от других животных, человек наследует нечто больше того, что автоматически передается ему на физическом и психологическом уровнях. Он также наследует культуру, которую приобретают представители подрастающего поколения, и не по безусловному праву рождения, а путем проникновения в нее с помощью взрослых. Человеческая культура не врождена в человеческие умы; она представляет собой психическое орудие, которое передается, удерживается и управляется ими, ее возможно отделить и изменить. Наши умы, как рукоятки, к которым можно приладить разные системы культуры. Наша культура действительно отражает наше физическое и психическое строение в его изменении в процессе наследования; но интенсивность изменений здесь несравненно выше, чем в природе. Даже если намерения всех заинтересованных консервативны, следующему поколению никогда не удастся сохранить свое культурное наследие в той же форме, в какой оно было получено от предков; при этом доля одного поколения бесконечно мала в сравнении со временем существования человеческой расы.

В большинстве человеческих обществ во все времена и во всех уголках планеты к настоящему моменту образование, понимаемое здесь в широком смысле как передача культурного наследия, представляло собой бессознательную и неорганизованную деятельность. Люди по большей части усваивали предшествующую культуру посредством изучения родного языка. Они общаются с взрослыми и бессознательно учатся у них, в то время как взрослые, со своей стороны, вряд ли осознают себя учителями. Важность и устойчивость такого образования очень ясно подчеркнуты профессором Майерсом в этой книге. Подобное безыскусное образование продолжает играть важную роль даже в тех обществах в процессе цивилизации, в которых уже учреждены формальные и организованные образовательные системы. Даже в тех образовательных институтах, где основными официальными элементами является книжное знание, формирование навыков и воспитание характера по большей части все так же зависит от произвольных последствий социальных взаимоотношений между подрастающим поколением и взрослыми; то, что ребенок приносит с собой из дома, может

значить не меньше, чем осознанные школьные впечатления. Важность домашнего влияния выходит на свет, когда образовательный институт, сохранявший привилегированное меньшинство, открывается для широкой общественности. Одним из основных преимуществ до настоящего момента было преимущество наследника богатого культурного достояния, которое в таком виде недоступно непривилегированному меньшинству, а это богатое культурное достояние передается через семью так же, как через школы и университеты. Это становится очевидным, когда дети с менее богатым культурным наследием принимаются в школу для меньшинства. Из одного и того же курса формального образования им трудно извлечь ту же выгоду, что и их привилегированным одноклассникам, поскольку с собой они приносят меньше. Это несправедливо, но таково положение вещей. Семье потребуется более одного поколения, чтобы перейти из менее привилегированного социального класса в более привилегированный и получить полное культурное наследие класса, доступ в который она завоевала.

Общество вступает в процесс цивилизации в тот момент, когда оно может позволить себе содержать меньшинство, каким бы незначительным оно ни было, чье время и силы полностью не заняты добыванием пищи и производством предметов первой жизненной необходимости. Это праздное меньшинство является социальной элитой, в которой на смену не-

организованному и бессознательному обучению на старый манер приходит организованное и сознательное образование, представляющее собой то, что мы в нашем обществе сейчас вообще понимаем под словом «образование». Это развитие, будучи одним из отличительных факторов цивилизации, делает возможным обогащение культурного наследия, которое подразумевается под словом «цивилизация». Но за все хорошее надо платить, и внедрение формального образования имеет несколько неприятных следствий.

Первое из них состоит в том, что образование становится тяжким бременем разума. Формализуя образование, мы делаем его накопительным. Культурные достижения последующих поколений сохраняются и передаются, в то время как умственные способности одного человека в течение его жизненного срока не выходят за установленные природой границы. Как ограниченному человеческому уму справиться с культурным наследием, постоянно увеличивающим свой объем? Эта проблема только осложняется, когда люди осознанно начинают расширять круг своих знаний с помощью систематического исследования. Появляется искушение ускорить процесс восприятия растущего наследия путем упрощения его содержания ценою обеднения последнего. В образовательных целях культуру можно свести к традиционной форме, в которой она будет тяготеть к имперсональности, светскости и абстрактности; и в этом процессе живая сущ-

ность культуры может ускользнуть из пут образовательной системы. Обучение для жизни может быть вытеснено образовательным курсом, заданным программой. Испытания, которые переводят человека на следующие жизненные ступени, могут вырождаться в экзамены в произвольно избранных областях унифицированных знаний.

Другое следствие формализации образования состоит в том, что последнее приобретает эзотерический характер. Когда поэзия, духовная или светская, сохраняется в памяти или письменности нескольких поколений, произведение искусства «замораживает» язык, на котором оно передается. Из всех орудий человеческой культуры, пожалуй, именно живой язык подвержен самым быстрым изменениям. Он сразу расстается с языком произведения, ставшего классическим, и классический язык вскоре становится архаичным и, в конечном счете, перестает пониматься теми, у кого нет свободного времени, которое они бы могли посвятить его изучению. Владение языком, по-прежнему обладающим высоким культурным престижем, но в то же время «мертвым» для всех, кроме ученого меньшинства, наделяет последнее монополией, которая несет с собой власть и по этой причине может цениться и желаться сама по себе.

Подобное возможно даже тогда, когда классическая культура все еще передается устно. Как показывает история, в тех обществах, где природная сила памяти человеческого разума

не была ослаблена зависимостью от письменных свидетельств, огромные фрагменты литературы могли передаваться наизусть по памяти на протяжении веков без помощи письменности. На самом деле, большинство обществ еще долго после освоения письменности испытывало устойчивое убеждение против того, чтобы доверять письму все то, что, по их мнению, представляло собой социальную или культурную ценность — например, законы, и еще чаще — церковные ритуалы. Представляется, что письменность вошла в употребление, прежде всего, ради таких практических прозаических целей, как запись товаров, контрактов, корреспонденции. Она была учреждена и практиковалась до того, как люди стали использовать ее в высоких культурных целях.

Ранние рукописные шрифты были самыми грубыми и сложными, и в связи с этим наиболее трудными для чтения и воспроизведения. Таким образом, когда монополия писца на понимание классического языка усиливается монополией владения архаичной письменностью, он вдвойне укрепляется в своем привилегированном положении и приобретает заслуженное значение в противовес литературному употреблению простонародного языка его современности, передаваемого легко доступной системой письма. Египетские иероглифы, шумерская клинопись, и, кроме того, огромное множество китайских знаков представляют собой примеры рукописных шрифтов, неправильное

использование которых противоречило основной цели письменности, ставшей преградой общению, вместо того, чтобы облегчить его. С этой точки зрения, изобретение алфавита стало поворотным пунктом в истории образования, если мы взглянем на нее как на попытку сделать формальное, равно как и непосредственное образование, одним из фундаментальных прав всех людей, вместо того чтобы оставлять его привилегией меньшинства. Все же в течение первых трех тысяч лет с момента открытия принципа разложения звуков человеческой речи на их элементы неизвестным гением, которому следует приписать изобретение алфавита, этот принцип никогда не применялся вполне рационально. Каждый вариант алфавита содержит лишние буквы, поскольку они повторяются или соединяются, и не содержит букв, необходимых для передачи некоторых звуков, возникающих в языке, которому соответствует данный вариант алфавита.

Последующие нарушения монополии писца объясняются несколькими причинами. Например, правительство обширной империи, обладающей всей, и даже более того, властью над целой цивилизацией, может посчитать традиционное привилегированное меньшинство несоответствующим или неподходящим для целей обеспечения имперского правительства чиновниками, в которых оно нуждается; и тогда это правительство может намеренно вызвать к жизни новый класс образованных людей, чтобы заполнить или

заменить чины его административной иерархии. В Китае на рубеже II и I вв. до н.э. имперское правительство заключило альянс с конфуцианской школой философов, которые обладали классическим литературным багажом, канонизированным Конфуцием. Результатом стало заметное увеличение образованного класса в Китае и сопутствующее расширение его социальной базы. Абсолютно новая «интеллигенция» может быть создана имперским правительством, обращенным к чужой культуре или принесшим чужую культуру вместе с собой. Это стало одним из последствий «восприятия» западной культуры в России в период правления Петра Великого и после него, а также внедрения западной культуры в Индии в период британского владычества.

Миссионерские религии, опять же, в своем стремлении распространиться по всему миру вызвали к жизни новое сообщество образованных церковников; а их предводители, взирающие на всю человеческую расу как на потенциальных обращенных, были, пожалуй, в числе первых людей, задумавшихся о всеобщем образовании. В частности, в Китае изобретение книгопечатания и бумаги, как представляется, стимулировалось страстным желанием буддистских миссионеров понести духовное просвещение в массы.

Представление о всеобщем образовании возникло в высоких религиях задолго до того, как были обеспечены экономические средства для превра-

щения его из идеала в реальность. В течение этих пяти тысяч лет истории цивилизации одной из наиболее характерных и наиболее уродливых особенностей этого нового способа жизни была монополия на ее блага как духовные, так и материальные, ограниченного меньшинства представителей обществ в процессе цивилизации. Это пятно позора на цивилизации в ее первой стадии объяснялось не только эгоистичностью правящего меньшинства. Даже если бы всем представителям этой группы удалось преодолеть природный эгоизм и постараться со всем тщанием разделить их культурное наследие с непривилегированным большинством себе подобных, они были бы повержены мизерностью экономического излишка, остающегося после удовлетворения элементарных экономических потребностей, который было способно производить человеческое общество до современной промышленной революции. Эта революция началась на Западе около двухсот лет назад и с той поры наращивает темп и распространяется с западных народов на остальное человечество. Но в прединдустриальной сельскохозяйственной экономике, где людская и животная мускульная сила не умножалась механической, все, за исключением меньшинства представителей общества, были обречены на жизнь крестьянства, чья ничтожная производительность не обеспечивала никаких благ в дополнение к таким общим потребностям, как еда, одежда и кров более, чем для меньшинства. Эта

несправедливость стала нестерпимой с появлением в мире высоких религий, которые предложили и объявили бесконечную ценность каждой человеческой души, независимо от социального класса, в который она попала по случаю рождения. Необходимость несправедливости, ставшей с той поры невыносимой, в настоящее время снята индустриальной революцией, благодаря которой у нас, по крайней мере, появились экономические силы на то, чтобы обеспечить благами цивилизации все человечество в его массе — всегда предполагая при этом, что мы не станем использовать эту новую силу, возникшую в процессе технологии, для массового самоуничтожения человеческой расы.

Наша современная индустриальная революция, безусловно, представляет собой лишь один из успехов в длинной череде технического прогресса, но она, пожалуй, первая после открытия сельского хозяйства обладает достаточным потенциалом для того, чтобы обеспечить ощутимые социальные и культурные выгоды для всех представителей общества, которые их создали. На заре цивилизации доход от сельского хозяйства был количественно увеличен в речных долинах Юго-Западной Азии и Египта благодаря изобретению контроля воды. В VII и VI вв. до н.э. доход был увеличен качественно в Греции благодаря введению специализации на редких культурах для последующей торговли в обмен на сырье и продукты питания. Это были две блестящие экономичес-

кие революции, однако сравнительно незначительные в своих материальных последствиях. Современная промышленная революция первая предоставила материальные средства для повышения жизненного стандарта мирового крестьянства над уровнем неолита, достигнутого по краям «Плодородного Полумесца» в течение периода, предшествовавшего расцвету цивилизации. Эта возможность обеспечить благами цивилизации все огромное непривилегированное общество человеческой расы диктует нравственное требование, согласно которому мы должны совершить акт справедливости, находящийся в нашей власти. В этом состоит новое требование, с которым сегодня столкнулось человечество и, как следствие, древний институт образования. Возникающие в связи с этим образовательные проблемы являются столь же важными, сколь и само требование.

Одна из проблем вызвана неизменным и неустранимым фактом того, что человеческое существо обладает строго ограниченными возможностями. Наивысший природный дар способностей и энергии, который может раскрыться в рамках максимально эффективного жизненного отрезка, заключен в очень узких границах с незначительными изменениями. С другой стороны, в области науки и технологии человеческое знание является накопительным; также и в области гуманитарных наук знание имеет тенденцию к накоплению в периоды конкретных цивилизаций и высоких

религий, а иногда сохраняется и после разрушения и исчезновения этих социальных форм человеческой культуры. Данное накопление культуры ставит перед наставником и получателем формального образования задачу по нарастающей сложности; и та задача стоит перед всеми личностями в каждой цивилизации и любом социальном классе.

В наши дни западная цивилизация значительно преуспела в осознанном и систематическом расширении границ знания и применения знания нечеловеческой природы, полученного на этом пути, с практическими целями — увеличения власти человека над нечеловеческой окружающей средой. Одним из средств, благодаря которому был достигнут этот успех, является специализация. И существует искушение завести специализацию еще дальше в качестве средства овладения бесконечной массой нового знания, которое она нам подарила. В настоящее время это искушение усиливается новой потребностью правительственных организаций и учреждений в специалистах в области естественных наук и технологии, теперь, когда от технологического и естественно-научного знания ожидают потенциала большего, нежели необходимо для военной доблести и деятельности на арене международной силовой политики.

Любое государство или народ, который поддается этому искушению, как представляется, противоречит своей собственной цели. Современный сплав технологии с наукой дока-

зал свою плодотворность в силу того, что наука была интересна сама по себе, без непосредственного соотнесения с практическим применением ее открытий. Но даже бескорыстный интерес к науке становится бесплодным, если он держится узкой колеи. Русло специализации в конкретной области скоро высыхает, если оно отрезано от источника всестороннего и философского научного размышления. Более того, даже ученый, который берет в качестве предмета своего рассмотрения нечеловеческую природу, не может позволить себе исключить из него природу человека. «Истинный предмет изучения человечества — это человек», ведь взаимоотношения человека с самим собой и себе подобными являются частью его дела, в котором к настоящему моменту он добился подозрительно мало успехов; и наказание за неудачу здесь становится тем тяжелее, чем больше оказывается власть над нечеловеческой природой, данная человеку прогрессом естественных наук и обращенная им, в его порочности, против самого себя. Необходимость равновесия между образованием в области естественных наук и технологии и в сфере гуманитарных наук осознана и добивается, например, Массачусетским Технологическим Институтом, который представляет собой наиболее выдающееся образовательное учреждение современности; также мудрость такой либеральной политики осознается и мировой мыслью. На это следует обратить внимание и принять к рассмотрению сторонникам

крайней специализации в различных областях технологии и естественных науках, трактуемой в качестве ключа к доминированию в борьбе за власть между государствами. Тем временем, океан знаний разросся до неизмеримого объема, и не только в области естественных, но также и гуманитарных наук. В прошлом, когда различные цивилизации жили рядом в большей или меньшей изолированности друг от друга, от человеческого образования требовалось лишь владение «классическим» языком, литературой и философией какой-нибудь одной цивилизации, например, классическим китайским для народов Восточной Азии и классическим греческим и латинским для народов Запада. Однако в связи с тем, что современная западная цивилизация оказала свое влияние на весь остальной мир, дети других цивилизаций обнаруживают, что владения их собственной предшествующей культурой вовсе недостаточно для того, чтобы идти своим путем. Если им придется «выживать в напряженных условиях современной жизни» (как гласит фраза из мандатных глав Декларации Лиги Наций), они должны знать кое-что о современной науке и технологиях, а также об их западных первооткрывателях, которым это новое знание обеспечило временное господство над другими народами. Под давлением Запада другие народы перехватывают у него инициативу по расширению традиционных рамок своего образования в области гуманитарных наук, а Запад, в свою

очередь, должен следовать неожиданному примеру своих учеников. Ведь в наше время мы видим, как Запад быстро теряет свое недавно завоеванное превосходство, в то время как не-западный народ один за другим берет на вооружение технологические и научные «ноу-хау», тем самым начиная отвоевывать свое нормальное положение в мире, которое было им утрачено после молниеносного и неожиданного захвата мира Западом.

Самообразование других народов в области западных знаний в настоящий момент может доказать свою эффективность в качестве способа восстановления власти, но это знание поверхностно в сравнении с традиционным образованием в их родной культуре, и это новое знание представляется бедной заменой старому, пока оно не углублено. Типично прозападный — или, как он предпочтет выразиться, модернизированный — современный представитель незападной культуры квалифицирован для работы по некоторым современным западным профессиям, скажем, в медицине или инженерной науке, при этом он обучился своей профессии на одном из западных языков, однако, скорее всего, такой представитель останется в неведении относительно классической культуры Греции и Рима, которые являются источником современной западной светской культуры, а также относительно христианства, представляющего собой источник агностических или атеистических духовных воззрений западного человека, равно как

и его этических принципов. Таким образом, представитель другой культуры, обращенный в западную цивилизацию, утратит наследие своей родной культуры, при этом не получив его западного эквивалента. Однако народы мира не смогут научиться понимать друг друга, если их внимание приковано только к современной поверхности жизни и игнорирует исторические глубины. Мы не сможем по-настоящему узнать человека, народ, цивилизацию, религию, если мы не будем знать их истории; а здесь, уже на другом пути, мы снова сталкиваемся лицом к лицу с проблемой, связанной с беспорядочным ростом объема наших знаний.

В настоящее время наше знание о прошлом увеличивается беспрецедентным образом по обеим сторонам постоянно увеличивающейся перспективы. Археологи делают историю, раскапывая погибшие и забытые цивилизации так же быстро, как политики делают ее своими новыми шагами, оказывающимися предметом изучения историков. Общественные архивы, созданные в Соединенном Королевстве во время Второй мировой войны, которая продолжалась менее шести лет, по оценкам равна в количестве полному объему вообще сохранившихся до этого момента архивов Соединенного Королевства и входящих в него государств — Королевств Англии и Шотландии. Говорят, архивы военного времени, принадлежащие только одному правительственному департаменту в Лондоне, растянулись бы на 17 миль, если бы папки были поставлены вертикально в

ряд и настолько плотно, насколько это возможно. Данные археологических раскопок также внушительны по объему, кроме того, наше знание сравнительно неплохо изученных периодов в истории цивилизации и религий растет и в процессе видоизменяется посредством анализа прежде не изученных или отвергнутых документов, а также посредством нового толкования ранее известных.

Тем временем, экономическая наука открыла изучение тех аспектов человеческой деятельности, которые ранее игнорировались; антропология и социология инициировали анализ структуры человеческого общества и природы человеческой культуры на всех уровнях, от самых примитивных до наиболее цивилизованных. Психология добавила новое измерение в изучение человеческой природы. Греческие науки эпистемологии, логики и этики рассматривали рациональную и целеполагающую оболочку человеческой психики; психология затрагивает иррациональные и эмоциональные глубины; и здесь снова ищущий разум человека сталкивается с бесконечностью. Как гласит Евангелие от Иоанна, «... и самому миру не вместить бы написанных книг» компетентного психолога, если бы перед ним встала задача составить исчерпывающий отчет относительно всех психических процессов, протекающих в одной единственной душе в кратчайший период времени, который смогли бы измерить самые тонкие регистрирующие инструменты.

Этот необъятный и растущий массив знаний о человеке и окружающей его среде отпугивает разум, обращенный к нему, и заставляет его защищаться. В этой самозащите мы поддаемся искушению снова задаться вопросом, не могут ли наши учреждения формального образования просто отвергнуть большую часть непомерного бремени, или, не столь категорично, разделить его на несколько мешков, которые можно возложить на разные плечи, не рискуя сломать чью-то шею. Ответ на этот крик о помощи должен быть отрицательным. «*Homo sum, humani nihil a me alienum puto*» — «Я человек, поэтому я не могу быть безразличен к тому, что имеет отношение к человеческой природе». Каждый мужчина, женщина и ребенок, живущие сейчас, существуют в мире, в котором человечество стоит перед принципиальным выбором между тем, чтобы научиться жить вместе одной семьей и тем, чтобы осуществить геноцид планетарного масштаба. Ни человеческая раса вообще, ни каждый ее представитель в отдельности не может позволить себе обойти внимание современную человеческую ситуацию. Мы должны совладать с ней, если не хотим себя уничтожить; чтобы совладать с ней, мы должны ее понимать; а попытка понять эту ситуацию требует от всех и каждого знакомства, по крайней мере, с тремя обширными ветвями знаний: знанием нечеловеческой природы; знанием человеческой природы; и знанием характеров и истории местных и преходящих

культур — некоторых относительно примитивных, других сравнительно продвинутых — которые человек создал, предавал, изменял и отбрасывал на протяжении веков, минувших с тех пор, как наши доисторические предки стали людьми. Таким образом, минимальная задача формального образования в настоящее время оказывается серьезным делом; и каждый ребенок будет должен пройти усиленный курс как формального, так и неформального образования, чтобы стать полезным гражданином нашего нового мира.

Как в таком случае наши образовательные учреждения должны передать это невероятно обширное наследие знаний ограниченному и эфемерному разуму человека? Задача покажется устрашающей, даже если мы сведем ее к образованию привилегированных наследников западной культурной традиции. Кто, как не они, должны быть восприимчивы к столь всестороннему образованию; ведь это именно они вызвали к жизни общемировой социальный строй, в котором теперь живет вся человеческая раса. Он начался как Западный строй (хотя, вне сомнения, он станет другим), и привилегированное меньшинство западного общества сыграло главную роль в формировании его современного облика. Поэтому кто, как не они, должны чувствовать себя здесь, как дома. Все же как тяжело сегодня дать образование даже этому благополучному меньшинству, так чтобы оно совпало со своим собственным наследием. И прежде чем определить наш способ

решения даже частной образовательной задачи, мы неизбежно должны обратиться к гораздо более трудным проблемам, состоящим в образовании непривилегированного большинства Запада и огромной массы незападного большинства человеческой расы, для которой западный уклад их жизни представляется чем-то чуждым и несвойственным. Очевидно, это грандиозная образовательная задача. При этом мы не можем позволить себе отбросить ее или исключить какую-либо часть человеческой расы из ее целого. Мы должны помочь человечеству образоваться наперекор опасности себя уничтожить; и это долг, от которого нам нельзя отказаться.

Это не первый случай, когда образовательная задача такого рода и даже такой важности встала перед человеком, который почувствовал на себе ответственность за судьбы огромной части человеческой расы. Представляется верным, что человеческая раса во всех обитаемых областях на поверхности планеты нигде не была собрана вместе в одном в буквальном смысле слова мировом сообществе до того, как это удалось в процессе нескольких прошедших веков западному начинанию. В то же время в прошлом существовало объединение такого масштаба, что оно, не будучи на деле вселенским, оказывалось достаточным для того, чтобы производить впечатление такового на его участников. Двадцать веков назад Китайская империя, по представлению жителей Китайской

империи, равно как Римская империя, по мнению обитателей Римской империи, обнимала фактически весь цивилизованный мир. Оба общества заблуждались в своем представлении о себе — как явствует из того простого факта, что эти две «вселенские» империи существовали вместе, почти не знакомые друг другу, на разных концах одного континента. Тем не менее, образовательные проблемы, с которыми столкнулись наши предшественники в результате объединения субконтинентального масштаба, вполне схожи с нашей собственной воистину вселенской проблемой сегодняшнего дня, и потому заслуживают внимания. Беглый взгляд на эти частные прецеденты, возможно, по крайней мере, предостережет нас относительно тех ловушек, которые следует обходить, даже если и не прольет света на положительные образовательные стратегии, заслуживающие подражания. В Китайской империи династии Цинь и Хан так же, как и в Римской империи, была предпринята попытка расширить круг формального образования с привилегированного меньшинства, чьей монополией оно ранее являлось, до широких масс. В обоих случаях она потерпела неудачу, в том смысле, что тогда не удалось научить все население «вселенской» империи тому, как вечно жить вместе одной семьей. Обе империи рухнули (хотя обе были вновь на время воссозданы после перерыва). В обоих случаях в области образования могут быть выявлены одинаковые причины

подобной неудачи — хотя, конечно, они являются лишь частью объяснения происшедшего.

Первая причина состояла в том, что традиционная система образования бывшего меньшинства была истощена в процессе распространения. Она выродилась в формальное образование книжного знания, разорвав связь с непосредственным обучением жизни. Критерием посвящения в традиционную культуру стало владение произвольно избранным и канонизированным корпусом классической литературы, а мерилom этого владения выступала способность подражания оригиналу. На самом деле, искусство игры со словом заменило искусство жизни. Вторая причина неудачи заключалась в том, что круг формального образования был в том и в другом случае сведен к гуманитарным наукам. Хотя и греки, и китайцы «классического» века внесли свой вклад в техническое оснащение человечества, а греки также были первооткрывателями чистой математики и физики, аристократическое убеждение против «полезных искусств» пережило сам аристократический режим в обоих обществах. Соответственно ни то, ни другое общество не пыталось поднять экономику выше исключительно сельскохозяйственного уровня, на котором она всегда оставалась в Восточной Азии и к которой она снова была сведена в Греко-Римском мире, когда результаты сельскохозяйственных революций в Греции в шестом веке до н.э. и в Италии во втором веке до н.э. были

сведены на нет включением в греко-римский мир больших экономически отсталых областей Северо-западной Африки и европейских районов Средиземноморья. То же аристократическое предубеждение не позволило грекам осуществить синтез науки и технологии, который был осуществлен современным западным миром в девятнадцатом веке и дал такие ценные результаты. И в греко-римском мире, и в Восточной Азии это привело к тому, что раздувшийся класс образованных людей продолжал паразитировать на крестьянстве, чья производительность не стала выше для того, чтобы нести дополнительную нагрузку; и это утяжеление социальной ноши крестьянства не было компенсировано никакими культурными выгодами, которые оно бы оценить. Сухое книжное знание в области классики, к которому была сведена культура привилегированного меньшинства, не была доступна крестьянам, а если бы и была, вряд ли бы завоевала их симпатии. При этих обстоятельствах неудивительно, что в обоих случаях крестьянство восстало, а «вселенская» империя и цивилизация, в ней заключенная, погибли. Эта история прошлого является уроком для нашего настоящего.

Первый урок состоит в том, что мы должны постараться сохранить несколько существенных образовательных предметов в равновесии друг с другом. Вне сомнения, самым важным предметом из всех является человек. Человеческая раса не выжила бы, если бы мы, в каждом сво-

ем поколении, не обучались у наших предшественников, по крайней мере, азам искусства взаимоотношений с себе подобными и самим собой. В этом состоит сущность человеческого образования, но этому нельзя научиться только посредством «гуманитарных наук» в книжной форме. В современном мире, действительно, значительный объем книжного знания стал важной составляющей образования каждого человека. В то же время сущность человеческого образования должна по-прежнему постигаться через неформальное обучение, представляющее собой средоточие образования во всех уровнях. Это именно то, что делает и сохраняет нас людьми. Книжное знание в «гуманитарных науках» может быть ценным дополнением к нему, но никак не заменой. Необходимо помнить, что, если обучение искусству жить с себе подобными является неотъемлемой частью образования каждого человеческого существа, живущего в этом мире, книжное дополнение к нему изначально возникло как профессиональное образование исполнительных служащих в правительственных учреждениях и в церковной области высоких религий. Это два наиболее специализированных занятия: и, хотя круг «свободных профессий» значительно увеличился пропорционально усложнению цивилизации в современную эпоху, кажется, эти пути в жизни как никогда ранее обеспечивают занятость не столь уж незначительной части человеческой расы и имеют перед собой не столь уж

незначительную часть человечества, стремящуюся и готовую состояться в этих областях. Если мы попытались принудить человечество в массовом порядке пройти курс формального образования, не только начальной и средней ступени, но вплоть до стандартов, требуемых для получения одной из свободных профессий, мы бы уничтожили высшие уровни этой области образования в попытке снизить их до способности людей без особого дарования, необходимого для подобного восхождения, и в то же время рисковали бы отвратить человечество в массовом порядке от формального образования любого рода. Мы должны признать различие в человеческих дарованиях, которое варьируется в зависимости от общества. Прирожденные «интеллектуалы» делятся на тех, кого привлекают гуманитарные науки, и тех, кто увлечен естественными. Но «интеллектуалы» обоих типов представляют собой редкость в любом классе, обществе, расе. Каким путем высшего образования следовать интеллектуалу, должно быть делом не привилегии, а личных способностей. Большинство людей всех рас, обществ и классов рождаются с практическими наклонностями, так что они, по достижении уровня более продвинутого образования, будут чувствовать себя комфортно при переходе от книжного знания к обучению в области технологии, независимо от того, каким может быть социальный статус его семьи.

Это ни в коем случае не означает, что формальное образование следует

недооценивать или отвергать; ведь в мире, в котором люди, унаследовавшие разные жизненные пути, неожиданно должны учиться жить вместе одной семьей, очевидно, найдутся задачи для формального образования в области технологии, естественных и гуманитарных наук. Наша первая потребность состоит в действенном общении друг с другом; в мире, где еще царит вавилонское столпотворение взаимно не восприимчивых языков, каждому ребенку, каким бы ни было его призвание, следует учиться, по крайней мере, один иностранный язык, помимо своего родного. И это не чрезмерное требование, как явствует из того факта, что в Швейцарии каждый ребенок уже изучает два иностранных языка, в Голландии три, и это является само собой разумеющимся. Наибольшей стимул существует для тех, например, датчан, чей родной язык не получил статуса языка мирового общения, так что они станут чужими в широком мире, если не попытаются стать полиглотами. Англоязычные народы, как правило, испорчены тем препятствием, что мировой язык является их родным.

Американцы также имеют тенденцию думать обо всей остальной человеческой расе как о потенциальных эмигрантах, чье дело — осваивать американский образ жизни, и одним из первых шагов на этом пути, по их представлению, является изучение английского языка. Однако на сегодняшний день как раз Америке следует ступить на почву чужеродных земель,

если она собирается отстоять позицию в конкуренции с Россией. Со времени Второй мировой войны в американской жизни появилась новая важная профессия. Сейчас существуют сотни тысяч американцев, состоящих на службе за границей, не только в правительстве Соединенных Штатов, но и в крупных американских коммерческих корпорациях и культурных фондах. Эти американские граждане, работающие в не англоговорящих странах, оказались в невыгодном положении в силу традиционной американской антипатии к изучению иностранных языков. С другой стороны, за Россией сохраняется преимущество традиционного владения иностранными языками, сравнимого с уровнем Швеции и Дании, и эта традиция, кажется, вновь возродилась после перерыва первых лет, следующих за революцией 1917 г. Похоже, Россия невольно способствует новому движению в Соединенных Штатах по превращению изучения иностранных языков в основной элемент американского образования. Однако не только англоговорящие народы нуждаются в подобном стимуле. В мире, который должен стать «одним миром», если он собирается продолжать свое существование, есть то, что требует улучшения даже в тех странах, где уровень достижений в области изучения иностранных языков оказывается наивысшим из всех.

Однако мир не сможет стать «одним миром» по духу лишь путем улучшения своих средств взаимного

общения. Более близкое знакомство может породить враждебность вместо дружбы, пока разные народы и разные классы в рамках одного общества имеют столь неравноценный доступ к благам цивилизации, который они имеют до сих пор. Это неравенство было следствием бедности; бедность была следствием экономической отсталости; а эта отсталость была преодолена современным синтезом технологии и науки. Миру нужно научить своих «естественно-научных» интеллектуалов и склонное к технологии большинство работать вместе, чтобы поднять минимальный уровень материальной жизни для всего человечества на невиданную до этого высоту. Теперь, когда мы открыли способ получения атомной энергии, не осталось больше препятствий, мешающих каждому индейскому крестьянину преуспевать так же, как современному фермеру Иллинойса. Увеличение материального благосостояния этого большинства, вполне возможно, не окажет столь плодотворного воздействия на душу крестьянина; однако без значительного подъема выше современного отчаянно низкого уровня материального существования он не сможет достичь духовного благосостояния, которое есть истинная цель каждого человека.

Величайший дар технологического прогресса человечеству, конечно, не заключается в накоплении материальных благ. Их число, которым может эффективно воспользоваться один человек на протяжении своей жизни,

невелико. Но вот возможность использования досуга оказывается уже не в столь узких границах. Даром досуга могут злоупотреблять те, кто не умеет извлечь из него выгоды. Тем не менее, творческое использование досуга меньшинством из досужего меньшинства в обществах в процессе цивилизации до сих пор было руслом всего человеческого прогресса над примитивным уровнем. В нашем современном, по-прежнему архаичном индустриальном обществе досуг все так же воспринимается всеми, за исключением привилегированного меньшинства, в своем негативном аспекте «незанятости» в доходном труде; а для промышленного рабочего перспектива незанятости в настоящий момент является кошмаром, поскольку сейчас она связана с утратой дохода и, хуже того, самоуважения. В современном мире безработный чувствует себя ненужным изгоем рабочего класса. Греки разделяли верное представление, считая досуг величайшим из человеческих благ; и они, действительно, использовали досуг своего меньшинства в стоящих целях — как явствует из этимологии греческого слова «досуг», от которого в большинстве европейских языков происходит слово «школа». В современном мире расцвет века автоматизации скоро обеспечит достаточным досугом всех промышленных рабочих без утраты дохода, самоуважения или социального статуса.

Вне сомнения, если этот неслыханный досуг свалится им в руки неожиданным грузом, они вначале отчасти

будут использовать его неправильно. Но рано или поздно мы обязательно сможем отстоять некоторую его часть для взрослого образования формального типа. Наше неформальное обучение жизни, конечно, пожизненно; наш жизненный опыт образовывает нас, хотим мы того или нет. Но в бедных цивилизациях этих первых трех тысяч лет формальное образование даже для привилегированного меньшинства обычно заканчивалось в юношестве, если не ранее; у этого были неблагоприятные последствия. Ученик преиспит книжным знанием на этой жизненной ступени, когда он еще не приобрел опыта, позволяющего ему извлечь из этого знания выгоду, а затем он жаждет книжной учености в более зрелом возрасте, когда, будь у него возможность, он мог бы извлечь из нее гораздо больше в свете своего накопленного опыта. В богатом обществе будущего мы сможем позволить себе давать взрослое образование каждому мужчине и женщине на каждой ступени их взрослой жизни. Уже в Дании ее высокоцивилизованный народ, у которого достало разума осуществить сельскохозяйственную революцию, использовал некоторые из ее щедрых даров на греческий манер, предоставив самим себе свободное взрослое высшее образование в восхитительных датских колледжах (которые представляют собой школы для взрослых, а не для детей). Датский фермер будет экономить деньги годами, чтобы позволить себе полугодовой или годичный курс, и он почтет

за честь выбрать предмет своих занятий с целью обогащения собственной культуры, а вовсе не улучшения экономического положения. В этом мы предвкушаем образовательный прогресс для всего человечества в наступающий век «мирного атома», автоматизации и досуга, порожденного изобилием научно управляемой механической силы.

Но качество образования всех типов завистит от качества дающих его людей, и в связи с этим существует парадоксальная тенденция вырождения этого аспекта, по мере того как увеличивается значение формального элемента образования. Непосредственное обучение жизни, являвшееся единственной формой образования, известного первобытным людям, давалось лидерами сообщества. Ребенок получал его от родителей, а молодые люди от священнослужителей и военачальников. Образовательные функции этих лидеров были неотделимы и неотличимы от их остальных занятий и поэтому получали свою долю всеобщего уважения. Но когда появляется отдельный тип образования формального свойства, последний приносит с собой новый класс профессиональных учителей, работающих, как все профессионалы, за плату; при этом в большинстве обществ в процессе цивилизации до настоящего момента как жалование, так и статус профессионального учителя были ниже того, что гарантировали пустые обещания, которыми общество расплачивалось с формальным образованием. Это

порой создавало порочный круг, в котором угнетенность и неудовлетворенность в профессии учителя отвращали от нее способных людей и тем самым вели к дальнейшему снижению ее статуса и стандарта, что, в свою очередь оборачивалось еще более глубокой угнетенностью и неудовлетворенностью. Невысокий статус профессии учителя в современном Западном мире отражен в остроте Джорджа Бернарда Шоу: «Если умеешь, делай; не умеешь, учи».

Верно, что статус профессии учителя заметно варьируется от страны к стране. В Австрии жена учителя приравнивалась по статусу к полковничьей, в то время как в Пруссии — только к майорской. Если бы кто-нибудь задумался о ее статусе в Англии, то она вряд ли бы была оценена там выше капитанской жены, в то время как в Шотландии ее бы непременно поставили не больше не меньше в один ряд с женой генерал-майора. До того как учительские зарплаты в Соединенном Королевстве были увеличены дотациями из общественной казны в связи с инфляцией, бедная Шотландия платила своим учителям зарплаты большие, чем пожелала пожертвовать богатая Англия на оплату того же самого труда. Сегодня учитель в Англии больше не получает прибавки к жалованию, если он назначается в шотландский университет; но вот его жена по-прежнему будет удивлена тем различием в отношении к ней — вне всякого соответствия с ее скудной покупательской способностью — в магазинах, которые

она удостаивает своим королевским посещением.

Возможно, одно из объяснений по-прежнему высокого статуса учителей в Шотландии состоит в том, что они все еще витают в облаках славы их церковного прошлого. До недавнего момента мечтой каждой крестьянской семьи в Шотландии было послать своего сына в пресвитерианский монастырь. Данное предприятие требовало неимоверного усердия и самопожертвования, а преподаватель был добрым гением, заслуживающим благодарность всей семьи за то, что помогал целеустремленному ученику на этом трудном пути. Однако это не может претендовать на исчерпывающее объяснение, поскольку статус учителя был сравнительно высок во Франции и Германии, где преподаватель был не полуправительственным иерархом, но служителем светского государства. Однако в современном западном мире эти примеры сравнительно высокого статуса учителей являются исключением. Относительно низкий статус, к которому учителя были сведены в большинстве англоязычных странах за пределами Шотландии, гораздо более типичен вообще для западного мира.

Что же в таком случае следует предпринять, чтобы повысить статус и стандарты учительской профессии на Западе? Здесь может ненамеренно оказать Западу еще одну услугу, создав у западных наблюдателей впечатление, что она обращается со своими профессорами как с важными персонами. Пожалуй, это впечатле-

ние, неважно, верное или нет, может подтолкнуть Америку к тому, чтобы повысить статус учительской профессии как неизбежному шагу на пути ее противостояния с Россией в борьбе за мировое господство. Это не самый лучший из возможных мотивов для образовательной реформы; но его следует приветствовать, если это заставит американский народ увеличить своим учителям зарплату и свободное время. Америка уже может позволить себе щедрость в отношении своих учителей, не дожидаясь сверхизобилия, обещанного «мирным атомом».

Но основательное улучшение материальных условий жизни учителя само по себе не будет достаточным. Это будет лишь условием, позволяющим найти способ повысить уровень, на котором будет находиться самооценка учителей, равно как и оценка общественности. Это оценка не может быть высокой, пока общественность и профессионалы не убедятся в двух вещах: во-первых, что профессия учителя выполняет важную общественную функцию, во-вторых, что она поддерживает в своей деятельности высокий профессиональный уровень. Первое из этих двух условий будет выполнено, если все поймут, что на современном критическом этапе истории профессии учителя действительно играет неоценимую роль в спасении человеческой расы от самоуничтожения, помогая ей стать одной семьей, в которой традиционное невыносимое разделение на привилегированных и лишенных привилегий будет упраз-

днено. Это то поле деятельности, на котором учитель языков и преподаватель технологии могут доказать свою ценность. Что касается профессионального уровня, на который дано подняться учителю, он будет зависеть от объема свободного времени, который ему предоставлен и от того, как он этот досуг использует.

Поскольку человек в процессе цивилизации впервые осознанно посвятил себя расширению границ человеческого знания путем целенаправленного и систематического исследования, следует признать, что также необходимо предоставить возможность частично заниматься наукой преподавателю университета, без чего он не сможет сохранить интеллектуальную жизнеспособность и передать ее своим ученикам. В настоящее время у нас есть материальные ресурсы, чтобы дать подобный шанс не только университетским преподавателям, но и учителям на более низких уровнях. Ничто не сможет так повысить эффективность учительской профессии, ее престиж и самоуважение. Когда мы говорим об исследовании, мы должны понимать его в широком смысле. В области изучения физической природы никто не станет оспаривать того факта, что телескоп является не менее ценным и продуктивным инструментом, чем микроскоп. В области гуманитарных наук еще недавно существовала тенденция, в рамках которой микроскописты требовали для своей деятельности исключительного именования «исследования» и отказы-

вали в нем своим собратьям телескопистам. Вместе с тем также очевидно, что Ньютоны и Эйнштейны внесли не меньший вклад в обогащение нашего знания и постижения вселенной, чем их ученые коллеги, открывшие ранее не ведомые планеты и галактики. Не менее очевидно, что трюизм полезен как для гуманитарных наук, так и для естественных.

Исследования любого типа полезны для преподавания, поскольку они устанавливают уровень точности и основательности, которого преподаватель-исследователь будет требовать от себя и своих учеников. Но здесь, как и прежде, мы возвращаемся к проблеме предела возможностей человеческого ума. Даже если формальное образование растянется на всю жизнь, как разум одного человека в пределах одной жизни может вместить образование, которое будет конкретным и вместе с тем всеобъемлющим? Мы не можем обойтись без какого-либо из этих условий в мире, ставшем «единым», а также ставшем научным в своих интеллектуальных стандартах. Возможно, решение для всех — учеников и учителей, исследователей и людей «практического склада» — будет состоять в том, чтобы осуществлять свою интеллектуальную деятельность одновременно в двух измерениях. Каждому необходим угол зрения высоты птичьего полета, с радиусом сотен миль, будто с реактивного самолета, парящего в стратосфере. Всем также нужен взгляд червя, проникающий на глубину в тысячи

метров, как при просеивании слоев почвы, вылетающих на поверхность по мере того, как бур нефтяника все глубже входит в пласты земли. Возможности ума одного человека строго ограничены; ему никогда не удастся исследовать всю поверхность земного шара или изучить ее внутреннее строение вплоть до центра. Но все же ему не следует ограничивать себя исключительно одним из направлений этих интеллектуальных поисков. Он может попробовать оба, и такая интеллектуальная всеобщность станет либеральным образованием. Пусть наши студенты изучат историю всего человечества на всей поверхности

планеты с тех веков, когда наши доисторические предки впервые стали людьми; но вместе с тем пусть они досконально исследуют историю какого-нибудь местного недолговечного племени. Пусть они научатся общаться со своими соседями на языках, не являющихся их родными; но вместе с тем пусть в деталях освоят структуру какого-нибудь отдельного языка и искусство какого-нибудь конкретного поэта. Этот дуалистический подход к проблеме образования представляется наиболее многообещающим в огромном и сложном современном мире, в который нас сейчас принесло стремительное течение истории...